

«Звездный перекресток»

Валерию Леонтьеву уже за сорок. Почти половину своей жизни он на профессиональной сцене. Тем не менее спада интереса к его творчеству пока не ощущается — он прочно занимает первые строчки во всех проводимых в стране хит-парадах, на его концертах всегда аншлаги. А ведь существует закономерность (точно подмеченная в книге П. Конникова «Мир эстрады»), что исполнитель, став вдвое старше своего основного зрителя (то есть молодежи), как правило, сходит с эстрадной орбиты. Впрочем, бывают и счастливые исключения. Так почему же — случайно или не случайно — свою новую сольную программу, которая недавно прошла в Москве, в Государственном центральном концертном зале (и будет показана в других городах страны), В. Леонтьев назвал «Мне кажется, что я еще не жил...»?

ЖИЗНЬ

В. ЛЕОНТЬЕВ: А мне действительно так кажется. И, наверное, у каждого человека появляются с годами двойственные ощущения: с одной стороны, уже тяготит груз прожитого, багаж жизненных впечатлений; с другой — всегда остается какая-то мечта, надежда, может быть, какое-то предчувствие, что главное впереди, что ничего еще и не было. Вот и мне кажется, что я еще так мало сделал, что мне надо еще что-то найти для самовыражения, открыть в себе то, чего я не знал...

Ну, а наблюдения бывшего директора Московского мюзик-холла и Театра эстрады Конникова — его книгу я читал — они, очевидно, верны. Правда, только у нас. В мире такого нет. Наоборот, все состоявшиеся, крепкие «звезды», и западноевропейские, и американские, находятся сейчас в очень зрелом возрасте. И никто не делит их возраст на возраст зрителя.

— Ты по-прежнему стремишься к тому, чтобы на твои выступления ходила молодежь?

— А как же? Конечно. Мне хочется, чтобы наряду со всеми, кто меня помнит, независимо от того, сколько им лет — 40 или 70, на концертах обязательно было побольше молодежи.

Да, хочу, чтобы меня все любили. Я знаю, что это невозможно, но я хочу. И все этого хотят! Но не все признаются.

— А почему в последнее время у тебя мало песен наших крупных композиторов? Взял на себя роль «крестного отца» начинающих авторов?

— Я просто не знаю, что делают сейчас наши «киты». Во всяком случае, меня никто из них не беспокоит. Например, Паулс, с которым я долго и с удовольствием работал, занимается сейчас политикой, проблемами республики в своем министерстве...

— Насчет Паулса, положим, это не совсем так — он продолжает заниматься и творчеством. Но ты хочешь, чтобы тебя беспокоили? Сам ты уже не в той «весовой» категории, чтобы позвонить, попросить, да?

— Нет, просто каждый день молодые авторы несут мне свои записи. Возможно, эти молодые не имеют такого багажа музыкальных знаний, как наши именитые, крупные авторы, но, пожалуй, они лучше чувствуют современный стиль, зрителя, а нередко и артиста, которому дают свои песни. Есть в их музыке и определенный коммерческий дух: а как без него? Поэтому я с удовольствием работаю с Тальковым, Крыловым, Газмановым. Сейчас вот появился Андрей Потемкин из группы «На-На» — я взял у него две песни.

— А кто режиссер нынешней программы?

— Да никто.

— То есть? Ты все придумал сам?

— Мы придумывали вместе с моей группой «Эхо» где-то на маршруте, в дорогах... Во время концертов

что-то потихоньку опробывали. У меня есть такие карточки с названиями песен, которые я раскладываю, как пасьянс, и по ним выстраиваю программу. А дальше все складывается экспери-

ДОПЕТЬ БЫ

Работ Гривуна - 1994 - Кемб.-с. 4

ментальным путем. В зависимости от моего физического состояния...

— Кстати, а как ты поддерживаешь форму? Занимаешься каким-то видом спорта?

— Нет, я специально не «ломаюсь» ни по какому поводу, но гантелями, резиновыми эспандерами не пренебрегаю. Летом плаваю, падаю с вышки. А в основном поддерживаю форму за счет репетиций. Когда каждый день что-то делаешь, — это становится нормой.

— А как тебе удается настолько перевоплощаться на сцене?

— Если бы я это знал. До концерта могу являть из себя человека, которого никогда в жизни не заподозришь, что он хоть на что-то способен. А когда выхожу на сцену, происходит какой-то щелчок, некое включение, которое спровоцировано всеми компонентами: дыханием зрительного зала, светом, всем антуражем вокруг. И вот что-то включается, и идет в зал эта энергетика, которая любому художнику необходима, а лично мне дороже всего.

— Эта программа, состоящая из 20 с лишним песен, шла нон-стоп два часа. Тяжеловато ведь?

— Да, в первый день я не был уверен, что допю до конца. А потом смотрю — ничего, еще «живенький» такой... Зрительный зал заряжает. Чем живее отклик — тем сильнее обратный импульс.

— Наверное, каждая серия таких концертов оборачивается потерей нескольких

килограммов веса? Правда, в последний год ты слегка поправился и даже после многодневного песенного марафона не выглядишь как живые мощи.

— Это я за июльское путешествие по США «нагулял» аж целых четыре килограмма.

— Ты занимался там только этим?..

— Да нет. Кое-чем: еще выступал с концертами от фирмы «Поп-арт-продукшн». Мы были в 8 городах: Лос-Анджелесе, Филадельфии, Балтиморе, Кливленде, Нью-Йорке, где-то еще, забыл уже... Работал в небольших залах — до трех тысяч зрителей. Ехал я туда с большой опаской. Но, представь-

— Хотел бы ты снимать в кино?

— Конечно. Это как раз то несбывшееся, что и подтверждает рефрен моей песни: «Мне кажется, что я еще не жил...» Да, мне хочется попробовать себя на сцене, которая никак не сопрягается с музыкальной профессией. Ролью певца я сыт на эстраде.

Самые мизерные контакты с кинематографом у меня были. Продюсированные просто моим любопытством: что же это за «зверь» такой, кинокамера, что за атмосфера на съемочной площадке?.. Я сыграл две эпизодические роли: сначала в фильме «На чужом празднике» (1982 год), а потом «Не ходите, девки, замуж». В картине же «Как стать звездой» моя работа ничем не отличалась от того, что я делаю в павильоне на телевидении.

— А зачем вы погубили «Джордано»? Почему бы

Ведь не исключено, что настойчивая «опека» над мной — это, может быть, главное, что греет в жизни этих людей. Ну а если их не научил никто, как себя вести, что ж теперь делать-то?..

— Но ты, наверное,ходишь с некоторыми из них в какие-то тесные контакты?

— Нет. Кроме «Здравствуйте!», ничего.

— А почему ты постоянно меняешь телефонный номер — ведь его знает очень ограниченный круг людей?

— Потому что все равно каким-то образом узнают. И как посоветуете жить, если телефон звонит 24 часа в сутки?

— А телохранители у тебя есть?

— Я как-то побаловался этим, но потом понял, что, если будет серьезная попытка ограбления, то никакие телохранители не помогут. А потом они сами же, как

ДО КОНЦА...

не сделать кино или телевариант оперы? Тем более, что там ты исполняешь роль не певца...

— Сказать, что «Джордано» погублен, нельзя. Хотим сделать новую постановку с новыми аранжировками. Уже есть эскизы новых костюмов, продумывается новое сценическое решение. Так что мы крест на опере не поставили.

— «Джордано» был для тебя прорывом в крупную форму и очень удачным прорывом. Почему же ты не продолжаешь эту линию?

— А материала нет! Кому надо писать крупные формы, мучиться, когда денег на таких произведениях не больно-то много заработаешь... Но, откровенно говоря, мне очень хочется сделать какой-то новый, веселый, жизнеутверждающий спектакль, мюзикл разудалый. Чтобы там было много смешных текстов, разговоров, какая-то игра с публикой, помимо песен. Атмосфера «Джордано» была тяжелой, мрачной... У нас сейчас, правда, тоже тяжело, но все равно хочется «шампанского» в противовес.

— И что же мешает?

— Опять все упирается в деньги. Тут один-то костюм шпиль — проблема. А как одеть всех участников спектакля?

— А ты сам разве не миллионер?

— Нет еще.

— Почему?

— Потому что я деньги в «чулок» не собирал, а все в дело вкладывал. Все, что у меня сегодня на сцене стоит, все куплено на мои «бабулечки». В световую аппаратуру вбухал сейчас бог знает сколько — зато обеспечиваю себе независимость...

— А сколько существует в стране клубов твоих поклонников?

— Не знаю.

— А мы знаем, что есть такие в Ленинграде, в Москве, в Риге...

— Да. Есть еще какие-то филиалы в Туле, Одессе, где-то еще...

— Признаться, наличие такого количества поклонников греет тебе сердце?

— Разные существуют поклонники, и разные ситуации случаются. В одних случаях чрезмерное внимание с их стороны мешает, раздражает, в других, наоборот, создает какую-то трогательную атмосферу...

— А те, которые днюют и ночуют в подъезде? Они как, сильно докучают?

— Конечно, бывают такие моменты, когда хочется выйти из квартиры и отнюдь не литературными словами сказать им, куда идти. Но пока до этого не доходило, стараюсь себя сдерживать.

правило, своими разговорами и подготавливают почву для всяких инцидентов. Поэтому «охрана моего тела» продолжалась всего несколько месяцев. И, собственно, от кого меня защищать? От людей, которые стоят на служебном входе и просят автограф? Но я всегда и всем подписываю безотказно...

— Тебе присуще чувство зависти, ревности?

— Да. Мне кажется, что это естественное человеческое чувство, только ревновать и завидовать можно по-разному. Можно зло, накликая на человека неприятности. А можно так называемой «белой» завистью. У меня, к примеру, возникает такое чувство, когда я слышу какую-то классную песню, которая, мне кажется, могла бы у меня получиться. И мне жаль, что не я ее спел.

— А почему бы тебе не сделать программу какого-то салонного характера?..

— Почему же! Я в свое время задумывал такую фразную программу, и с хором мальчиков, и с симфоническим оркестром... Но потом решил: это я всегда успею сделать! А вот пошалить, попрыгать вволю надо сейчас, пока не поздно.

— Кстати, кто автор костюмов, в которых ты прыгал на нынешних концертах в «России»?

— Не знаю. Зашел в магазин в Лос-Анджелесе и все там купил...

— А где ты приобретаешь сегодня продовольствие? Кто тебе готовит?

— Приносят откуда-то. С рынка, наверное... Питаюсь и в залах, где работаю.

— А каково твоё отношение к рынку вообще?

— По моему, даже те люди, которые вплотную этим занимаются, во всяком случае, те, которых я слышал по телевидению, и они-то не слишком хорошо представляют себе, что это такое. А артисты, наверное, и подавно.

— И все-таки, при всех заботах, переживаниях тебе сегодня грех жаловаться на жизнь...

— Откровенно говоря, можно было бы жить и лучше...

— В смысле?

— Ну, каких-то бытовых условий. Не хватает квартиры, достойной тех гостей, которых мне нужно принимать по работе.

— Это твоя самая большая проблема сейчас?

— Нет. Самой большой и самой болезненной проблемой всегда остается работа! Что спеть? Как выйти? Каким быть? Ведь для меня жизнь и правда — на сцене. В паузах я лишь притворяюсь...